

ИСЛАМСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Хапчаев С. Т., Ставрополь (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается исламская правовая культура как ресурс межэтнического диалога, социальной интеграции и профилактики радикальных интерпретаций в евразийском пространстве. Автор показывает, что конструктивное использование религиозно-правовой традиции возможно только при различении шариата, фикха, фетвы, позитивного законодательства и локального обычая, а также при безусловном признании приоритета конституционного правопорядка. Особое внимание уделено значению темы для региональной политики, правового просвещения и ведомственного юридического образования.

Ключевые слова: исламская правовая культура, межэтнический диалог, евразийская интеграция, социальная интеграция, религиозная идентичность, профилактика радикализации

ISLAMIC LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF INTERETHNIC DIALOGUE IN THE EURASIAN SPACE

Khapchaev S. T., Stavropol (Russia)

Abstract. The article examines Islamic legal culture as a resource for interethnic dialogue, social integration and prevention of radical interpretations in the Eurasian space. The author argues that the constructive use of religious and legal tradition requires a clear distinction between Sharia, fiqh, fatwa, positive legislation and local custom, as well as unconditional recognition of the priority of the constitutional legal order. Particular attention is paid to the relevance of the topic for regional policy, legal education and professional training.

Keywords: Islamic legal culture, interethnic dialogue, Eurasian integration, social integration, religious identity, prevention of radicalization

Евразийское пространство исторически формировалось как зона взаимодействия различных этнических, языковых и религиозных общностей. В ряде регионов России, Центральной Азии и Кавказа мусульманская традиция участвовала в выработке представлений о справедливости, обязанности, достоинстве, взаимной помощи и допустимых формах публичного поведения. Именно поэтому исламская правовая культура представляет интерес не только для религиоведения и сравнительного правоведения, но и для анализа

социальной интеграции, миграционной адаптации, межэтнической коммуникации и профилактики конфликтов.

Актуальность такого подхода усиливается тематикой форума, ориентированной на социальные, культурные и гуманитарные измерения евразийской интеграции. В условиях роста образовательной мобильности, трудовой миграции и расширения гуманитарных связей недостаточно рассматривать религиозную идентичность лишь как частное убеждение или как потенциальный риск. Для научного анализа куда важнее понять, какие элементы религиозно-правовой культуры способны работать как язык доверия, взаимного признания и правового просвещения, а какие, напротив, нуждаются в критическом ограничении в силу приоритета Конституции и закона.

Исламскую правовую культуру нельзя сводить к набору религиозных предписаний. В исследовательском отношении принципиально важно разграничивать несколько самостоятельных уровней: шариат выступает ценностно-нормативным ориентиром, фикх представляет собой доктринальную разработку правовых вопросов, фетва является консультативным заключением авторитетного специалиста, тогда как позитивное законодательство государств с мусульманским населением и локальные обычаи образуют отдельный нормативный пласт. Смешение перечисленных уровней порождает две одинаково ошибочные позиции: либо мусульманская традиция представляется как единый и неизменный правовой массив, либо она полностью выводится за пределы правовой культуры [4; 5].

Межэтнический диалог невозможен без признания того, что правовая культура конкретного сообщества включает не только официальные нормы государства, но и устойчивые представления о должном, справедливом и недопустимом. В мусульманской традиции значимы идеи ответственности перед общиной, справедливого договора, запрета произвола, уважения к достоинству личности и предотвращения общественного вреда. Названные идеи могут использоваться не как альтернатива российскому праву, а как средство культурного перевода общих правовых ценностей на язык, понятный конкретным социальным группам.

Для России принципиально важна именно такая интерпретация. Конституционная модель равенства прав и свобод, свободы совести и недопустимости ограничения прав по признакам национальной или религиозной принадлежности не требует отказа от культурной идентичности, но исключает правовую изоляцию по религиозному или этническому основанию [1]. Иными словами, исламская правовая культура может быть продуктивной только тогда, когда она

соотносится с общегражданской идентичностью и не претендует на замену публичного правопорядка.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года сохранение этнокультурного и языкового многообразия связано с укреплением единства многонационального народа России [3]. Отсюда следует, что исламскую правовую культуру допустимо рассматривать не как внешний по отношению к государству элемент, а как одну из культурных форм, через которые часть граждан воспринимает категории справедливости, ответственности и общественного согласия. Социальная интеграция в данном контексте не совпадает с ассимиляцией. Речь идет об участии личности и группы в общем правовом и социальном пространстве при сохранении культурной самобытности – при условии, что такая самобытность не нарушает права других лиц и не противоречит публичному порядку. В теории аккультурации интеграционная модель также связывается с возможностью включения в принимающее общество без утраты значимой культурной принадлежности [6]. Применительно к евразийским обществам отсюда вытекает вывод практического свойства: устойчивость межэтнических отношений зависит не от вытеснения различий, а от способности включать их в общую систему гражданской солидарности.

Обращение к исламской правовой культуре требует методологической осторожности. Недопустимо подменять государственную правовую систему религиозным авторитетом – равно как нельзя представлять мусульманскую традицию однородной и неизменной, игнорируя многообразие ее школ, методов толкования и исторических контекстов. В силу сказанного конструктивный межэтнический диалог должен опираться на научное различение доктринальных позиций и на ясное признание приоритета Конституции Российской Федерации, федерального законодательства и общих принципов правового государства.

Отдельную проблему составляют радикальные интерпретации, вырывающие религиозные понятия из их правового, нравственного и исторического контекста. Опасность таких интерпретаций состоит не только в призывах к противоправному поведению, но и в разрушении доверия между группами, стигматизации традиционной религиозности и формировании ложного противопоставления религиозной идентичности и гражданской лояльности. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации исходит из необходимости системной профилактики экстремистских проявлений

[2], однако одними запретительными мерами такая профилактика исчерпана быть не может.

Просветительская работа в этой сфере имеет самостоятельное значение. ЮНЕСКО в материалах по предотвращению насильственного экстремизма через образование обращает внимание на роль образовательных программ, критического мышления, уважения к правам человека и устойчивости молодежи к радикальной пропаганде [7]. Применительно к исламской правовой культуре важно обеспечить молодым людям доступ не к агитационным схемам, а к проверенным научным и богословским источникам, показывающим сложность правовой традиции, ее этическое измерение и принципиальную несовместимость произвола с ответственным религиозным правовопониманием.

Региональная политика в многонациональных субъектах должна учитывать не только формальные показатели стабильности, но и качество повседневной коммуникации. Для этого необходимы площадки, где представители образования, религиозных организаций, органов власти, правоохранительных структур и молодежных объединений совместно обсуждают спорные вопросы прежде, чем они перерастают в конфликт. На таких площадках исламская правовая культура может выступать не предметом идеологического спора, а материалом для объяснения общих ценностей: достоинства личности, обязанности соблюдать договор, уважения к соседу, недопустимости насилия и ответственности за общественное благо.

Для ведомственного юридического образования тема имеет прикладное значение, так как будущий сотрудник полиции должен понимать культурный контекст общения с гражданами, отличать традиционную религиозность от экстремистской риторики, корректно взаимодействовать с представителями разных общин и избегать стигматизирующих обобщений. Ошибки в подобных ситуациях, как правило, возникают не из-за отсутствия правовой нормы, а из-за недостаточной культурной компетентности: нейтральный религиозный символ или обычай может быть неверно воспринят как угроза, тогда как действительно опасная риторика остается незамеченной за внешне привычными формулами.

Практическая задача состоит не в том, чтобы включать религиозные нормы в систему государственного права, а в том, чтобы опираться на знание религиозно-правовой культуры в профилактической, воспитательной и коммуникативной работе. Здесь могут быть востребованы учебные модули по религиозно-правовым традициям народов России, методические материалы для сотрудников

правоохранительных органов, диалоговые встречи с экспертами и анализ типичных ошибок публичной коммуникации в межкультурной среде.

Таким образом, исламская правовая культура способна выступать фактором межкультурного диалога при соблюдении трех ключевых условий. Во-первых, ее необходимо изучать строго научно, без мифологизации, упрощения и смешения шариата, фикха, фетвы, позитивного законодательства и обычая. Во-вторых, интеграционный потенциал традиции должен соотноситься с конституционным правовым порядком и общегражданской идентичностью. В-третьих, профилактика радикальных интерпретаций не может ограничиваться правовыми запретами: она предполагает образование, культурный перевод, доверительную коммуникацию и правовую социализацию. При таком подходе исламская правовая культура не противопоставляется российской правовой системе, а помогает глубже понять нравственные основания, через которые значительная часть граждан воспринимает нормы справедливости, ответственности и общественного согласия.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).
2. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115> (дата обращения: 15.05.2026).
3. Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024> (дата обращения: 15.05.2026).
4. Ханчаев С. Т. Коллективные обязанности в исламской правовой традиции // Legal Bulletin. 2025. Т. 10. № 4. С. 93–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnye-obyazannosti-v-islamskoy-pravovoy-traditsii> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Ханчаев С. Т. Фетвы как инструмент регулирования общественного порядка в странах с мусульманским правом: сравнительно-правовой

анализ // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 94–111. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2025/4/9/> (дата обращения: 15.05.2026).

6. Berry J. W. Acculturation: living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. № 6. P. 697–712. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.013.

7. Preventing violent extremism through education: a guide for policy-makers. Paris: UNESCO, 2017. 75 p. ISBN 978-92-3-100215-1. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247764> (date of access: 15.05.2026).

ОБ ОГНЕПОКЛОНСТВЕ В МОНГОЛО-ТАТАРСКОЙ СРЕДЕ

Харитонов А.М., Владивосток (Россия)

Аннотация. *Современные историки при описании верований у ранних татар пользуются в основном сведениями, взятыми из сочинений папских посланников при дворе Великого хана. При этом мнение, что взгляд пропагандистов христианства в этом отношении может быть несколько предвзятым, обычно во внимание не принимается.*

Но что же тогда приняли за огнепоклонство папские дипломаты? Мы предлагаем альтернативную точку зрения на данное явление, основанную на знании некоторых этнографических материалов более поздних эпох.

Ключевые слова: татары, несториане, зороастризм, чума

ON FIRE WORSHIP IN THE MONGO-TATAR ENVIRONMENT

Kharitonov A.M., Vladivostok (Russia)

Abstract. *When describing the beliefs of the early Tatars, modern historians mainly rely on information from the writings of papal envoys at the court of the Great Khan. However, the fact that the views of Christian propagandists may be somewhat biased is usually overlooked.*

But what did the papal diplomats consider to be fire worship? We offer an alternative point of view on this phenomenon, based on the knowledge of some ethnographic materials of later epochs

Keywords: Tatars, Nestorians, Zoroastrianism, chuma

Современные исследования, касающиеся верований ранних монголо-татар, ссылаются чаще всего на мнения папских посланников при дворе ханов Орды. При этом многие авторы подобных сочинений обычно считают их истиной в последней инстанции, исключаяющей различные трактовки исторических событий и народных традиций, в